

ПРАКТИЧЕСКАЯ И ПРОГНОСТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИИ ПОЛИТЭКОНОМИИ

КАК ИСПОЛЬЗОВАТЬ ПОТЕНЦИАЛ КЛАССИЧЕСКОЙ ПОЛИТЭКОНОМИИ КАПИТАЛИЗМА В ИНТЕРЕСАХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ, ИЛИ ВАРИАНТ РЕАКТУАЛИЗАЦИИ «КАПИТАЛА» МАРКСА

В. А. Бирюков

Однобокая экономическая политика, до сих пор проводимая российскими либералами явно не в интересах России, доказала свою несостоятельность в последние два с лишним десятилетия. Несмотря на улучшение многих социально-экономических показателей, достигнутых в начале нынешнего столетия по сравнению с 1990-ми гг., страна втягивается в новый вариант застоя. Воспроизводство экономистов, идущее на базе преподавания им только неоклассики, требует пересмотра этой образовательной политики. Необходимо сочетание классической политэкономии с неоклассической. Для этого нужно возродить и преподавание Марксовой политэкономии капитализма как вершины классики. Но «Капитал» Маркса в нынешних условиях требует определенной модернизации, новой редакции этого великого экономического сочинения, так как он кажется архаичным в ряде моментов. В основе всех устаревших положений «Капитала» лежит доказанный Марксом закон роста органического строения капитала. Если в соответствии с методологией Маркса сделать хотя бы еще один шаг в восхождении от абстрактного к конкретному — перейти от органического строения капитала к стоимостному, то этого оказывается достаточно для актуализации марксова исследования. Тем самым возникает, формируется новый облик политэкономии капитализма, опирающийся на последовательное применение методологии Маркса, что делает «Капитал» в существующей редакции частным, особенным случаем более общей, но все равно марксистской политэкономии капитализма. В такой новой форме она может преподаваться в университетах как первая ступень знакомства с общей экономической теорией.

Вновь пробуждающийся интерес к политической экономии вызван вполне земными и объективными причинами. Повальное распространение, перешедшее в почти полное господство, неоклассики в преподавании общей экономической теории, всего лишь одно из проявлений идеологического господства западного мейнстрима, насаждаемого в головы будущих экономистов. Понятно, что это в будущем создает условия для сохранения господства либеральной идеологии и в экономической политике.

Тотальное господство либерализма в экономической политике страны в течение более двух десятилетий продолжает сохраняться и сейчас (хотя уже без недавних триумфальных заявлений его российских столпов и апологетов), что подвело Россию к опасной черте — действительному ее превращению в отсталую страну периферийного капитализма с чертами современной, новейшего типа, американской колонии, замаскированными наличием второго в мире военного потенциала. И это объективно так, несмотря на свидетельства того, что

по сравнению с 1990-ми гг. нынешнее экономическое положение страны кажется несравнимо лучшим. Но именно это господство либерализма завело нашу страну в тупик нового застоя, чем бы этот курс и его плоды ни оправдывались нынешним правящим режимом.

Если идеология коммунизма была объективно идеологическим прикрытием имперских интересов советского правящего класса, как бы мы ни характеризовали его природу, то идеология антикоммунизма была и остается идеологическим прикрытием имперских интересов американского правящего класса — крупного капитала. Господствующая в том или ином обществе, государстве экономическая теория, являясь частью господствующей идеологии, занимается тем же: оправдывает, камуфлирует и защищает эти интересы. События в России после буржуазной революции 1917 г. еще раз доказали все эти известные вещи убедительнейшим образом. Под крики о демократии, борьбе с мировым злом («империей зла») Запад сумел обрушить своего мирового оппонента — прежде всего СССР — во многих сфе-

рах: военной, экономической, идеологической, моральной. Корысть мирового капитала (и прежде всего американского) в его действиях на российской территории за прошедшие десятилетия выпирает из всех его акций, несмотря на огромные усилия напустить флер на эту свою корысть.

В российском высшем экономическом образовании возник поразительный парадокс: едва ли можно найти факультет какого-нибудь университета, где бы не преподавались классические разделы математики, биологии, химии, физики и т. д. А вот в экономических вузах такое положение уже давно стало аномальной нормой. Хорошо понятны действительные причины такого положения — они чисто идеологические. Но вместе с тем у противников классической политэкономии, скрывающих действительные причины непринятия ее и недопущения в учебный процесс, есть формальный и широко распространенный аргумент — прикрытие этой политики: зачем, мол, преподавать экономическую теорию XIX в., даже пусть она и классическая, если она якобы давно устарела и архаична. Мы считаем Марксову политэкономия капитализма вершиной классической политэкономии (при всех известных оговорках) и ниже попытаемся показать, что она не устарела, как ни странным это утверждение кажется на первый и массовый взгляд.

Интерес к политэкономическому наследию Маркса может быть двояким: или это надежда на будущий возможный ренессанс этого наследия, или это чисто академический интерес. Допустим здесь, что первое утопично, и сконцентрируем наше внимание на втором.

Основному экономическому труду К. Маркса более 145 лет (если иметь в виду год издания первого тома). Возраст почтенный для меняющейся рыночной экономики. Вместе с крушением социалистического мира число сторонников и поклонников Маркса на планете существенно сократилось. Тем не менее серьезные экономисты-теоретики не могут пренебречь наследием Маркса, и оно продолжает привлекать и будет всегда привлекать к себе внимание. Более того, именно в последние два десятилетия события в трех десятках стран мира, в которых произошла реставрация капитализма, еще раз убедительно продемонстрировали истинность марксовых теорий трудовой стоимости, производства прибавочной стоимости, воспроизводства. Правда, эти же события позволили идеологическим противникам Маркса найти в этих событиях еще один сильный аргумент в пользу заключения

о глобальной неистинности его учения. Вместе с этим весьма сильным аргументом обратим внимание на другие, появившиеся ранее этих событий аргументы — это онтологические изменения в реальной буржуазной экономике. В послевоенной экономике развитых капиталистических стран обнаружился ряд новых фактов, которые поставили под сомнение истинность некоторых законов, сформулированных Марксом в его «Капитале», что стало основой новых обвинений в его архаизации.

Сначала под сомнение был поставлен вывод Маркса о закономерном обнищании наемного труда (часть так называемого всеобщего закона капиталистического накопления) и тенденций к углублению кризисов и росту нормы безработицы. Затем — о неизбежности крушения капитализма под влиянием внутренних противоречий (после Второй мировой войны получившей форму пресловутой «теории автоматического краха капитализма», а впоследствии «теории этапов общего кризиса капитализма»). Тогда же разгорелась дискуссия по поводу закона преимущественного (опережающего) роста производства средств производства, неявно содержащегося в «Капитале». В ходе этой дискуссии многими ставился под сомнение и сам этот закон, и впервые открытый и обоснованный Марксом закон роста органического строения (состава) капитала. В шестидесятые годы в советской литературе разгорелась дискуссия о марксовой теории ренты, в частности, доказывалось исчезновение абсолютной ренты в современном капитализме. Позже многочисленные факты поставили под сомнение обоснование Марксом закона — тенденции к понижению нормы прибыли.

Таким образом, постепенно один за другим важные блоки марксовой политэкономии капитализма приходили в «теоретическую негодность», как казалось многим, все больше и больше не соответствуя растущему числу фактов, отражавших реалии быстро менявшейся капиталистической экономики. Мы не говорим здесь и далее о быстро увеличивавшемся разрыве реальности с прогнозами марксистов по поводу судеб социализма — мы ограничиваемся только капиталистической рыночной экономикой. Если приглядеться к перечню вышеперечисленных современных «претензий» к «Капиталу» Маркса, то любой знаток этого труда легко обнаружит общую основу отмеченных фактов слабостей, нынешних недостатков «Капитала». Этой основой является закон роста органического строения капитала (производства).

**Два вида теоретических допущений
Маркса и введение в исследование
тех факторов, от которых отвлекался
Маркс в «Капитале»**

В «Капитале» есть общие для всей его системы теоретические допущения. Но используются не только общие, но и ряд особенных для каждой степени восхождения теоретических допущений.

1. Несмотря на наличие множества экономических форм проявления НТП и роста производительности труда в качестве преобладающей экономической формы НТП при капитализме на стадии крупного машинного производства Маркс рассматривал более всего рост органического строения капитала. В этом есть логика: изменение капиталовооруженности труда является непосредственным материальным воплощением НТП, а капиталовооруженность труда — это одна из форм проявления роста органического строения капитала.

Следовательно, изменение (рост) органического строения капитала как предпосылка формирования стоимости товара выражается, проявляется в изменении структуры стоимости товара — в последней увеличивается доля постоянного капитала и уменьшается доля переменного капитала. Отсюда логичное заключение о тождественности всех этих перечисленных процессов, тем более что они происходят в одной воспроизводственной фазе — фазе производства. Хотя точность требует отметить: и этот тезис правомерен лишь при определенных предпосылках. У Маркса предполагается, допускается, что фаза реализации стоимости нового товара не меняет структуру стоимости, что является следствием другого более общего допущения Маркса — о совпадении стоимости и цены товаров.

Перейдя от одного товара ко всей товарной массе в рамках капиталистического национального хозяйства, мы получаем то же тождество изменения структуры стоимости не только отдельного товара, но и всей товарной массы, то есть совокупного национального капитала в товарной форме.

Мы получили многообразные и — здесь главное — кажущиеся тождественными выражения результатов НТП в капиталистической экономике на стадии крупного машинного производства.

Это создает впечатление, что главной, основной формой представления НТП в теоретической системе действительно является рост органического строения капитала. Этому впечатлению способствует еще одно

формальное обстоятельство. В органическом и стоимостном строении капитала, в структуре стоимости товара и товарного капитала, в структуре валового продукта используются одинаковые названия и обозначения — постоянный капитал (c) и переменный капитал (v). Но в «Капитале» Маркс показывает, что под одними и теми же названиями постоянный и переменный капитал скрывается множество явлений, содержательно не одинаковых. Еще более усложняется картина, когда постоянный и переменный капитал соотносятся друг с другом в строении капитала: их содержание меняется в зависимости от ряда обстоятельств; это очень близкие, но не одинаковые вещи. В процессе кругооборота промышленного капитала в фазе производства этот капитал принимает форму производительного капитала, где c — это постоянный капитал, представленный в своем физическом, натуральном виде средств производства, а v — живой труд как процесс в фазе непосредственного производства новых товаров. В следующей фазе кругооборота промышленного капитала в функциональной форме товарного капитала постоянный капитал — это масса товаров, вещественных носителей части стоимости капитала, равных по стоимости потребленному постоянному капиталу, а переменный капитал — часть произведенной товарной массы, эквивалентная переменному капиталу в денежном авансированном капитале. В функциональной форме денежного капитала в фазе реализации произведенной новой стоимости постоянный капитал — это сохраненная старая стоимость использованных средств производства, а переменный капитал — фонд оплаты труда наемного персонала. Даже в валовом продукте под одними и теми же названиями постоянного и переменного капитала скрываются разные содержания в зависимости от фазы воспроизводства валового продукта. Но везде остаются названия и обозначения, формально одни и те же. Это может породить искушение их отождествлять. И это обстоятельство стало фактором и источником некоторых теоретических сложностей.

2. Следующее особенное допущение — это допущение о совпадении первичного строения капитала со всеми производными его модификациями вплоть до замыкающей — строения (структуры) общественного производства и валового продукта [3, с. 404]. Первичное строение капитала — это есть строение капитала в фазе непосредственного производства. Производные формы строения капитала

— строения, испытывавшие влияние остальных воспроизводственных фаз; например, строение (структура) общественного продукта.

Как отмечено в первом пункте, ряд логических кажущихся вполне убедительными и бесспорными переходов, тождеств приводит к теоретическому представлению, что динамика изменений первичного и всех модификаций органического строения капитала совпадают.

3. Третье особенное допущение — допущение о совпадении органического строения капитала со стоимостным (ценовым) строением. В отличие от двух предыдущих случаев, когда Маркс явно не оговаривал указанные выше два допущения, третье он подчеркивал специально и неоднократно. Он хорошо отдавал себе отчет в том, что стоимостное строение капитала — более конкретная категория, нежели органическое строение, и вообще-то говоря, нельзя не учитывать различия между ними. Однако в «Капитале» он счел оправданным не выяснять эти различия и не делать каких-либо статистических измерений стоимостного (ценового) строения в отличие от органического. Для Маркса тогда важно было именно совпадение векторов изменения — их рост, а не различия скоростей роста двух видов строения капитала. Ведь именно эта идея роста органического строения капитала, а не различия скоростей роста органического и стоимостного, позволила объяснить ряд явлений, которые поставили в тупик домарксову классическую политэкономия.

Спустя столетие постепенно обнаружилось в массе фактов, что в развитых капиталистических странах норма безработицы как тренд не возрастает («закон рабочего народонаселения»), положение наемного труда не ухудшается не только абсолютно, но и относительно («всеобщий закон капиталистического накопления»), противоречие между общественным производством и общественным потреблением в форме опережения роста первого подразделения общественного производства относительно второго («закон преимущественного роста производства средств производства»), глубина кризисов перепроизводства капитала не только не возрастает («закон циклического перепроизводства промышленного капитала»), но и уменьшается, норма валовой прибыли не снижается («закон тенденции понижения нормы прибыли»). То есть растущее число фактов указывало на то, что стоимостное строение постепенно перестало заметно увеличиваться, что и привело к изменению

проявления тех законов капитализма, которые только что перечислены.

Суть предлагаемой гипотезы

Предложим здесь следующую гипотезу для объяснения всех этих и некоторых иных фактов современной капиталистической экономики в рамках марксовой парадигмы: если исходить по-прежнему из того, что феномен роста технического (и, следовательно, органического) строения капитала в результате современного технического прогресса сохраняется, но при этом стоимостное строение капитала при всех колебаниях (прежде всего циклических) в заключительных своих модификациях стремится к стабилизации, то это предположение позволяет объяснить новые факты, не разрушая марксову теоретическую систему, а опираясь именно на марксову методологию, обогатить его теорию через определенную конкретизацию его же исследования.

Фактически это такой же методологический прием, как и тот, что позволил Марксу в середине XIX века объяснить массу конкретных экономических явлений, характерных для современной ему экономики. Но рассматриваемое предположение не отрицает, не зачеркивает, не обесценивает марксову экономическую теорию, а делает ее конкретным, исторически особенным случаем. А методологически этот подход (реализация более общего случая, версии той же марксовой политэкономии капитализма) осуществляется на основе той же марксовой методологии.

Мы исходим из следующего. Во-первых, марксова методология была и остается правильной (общий случай), а в некоторых ее частных применениях марксова теория может быть истинной лишь временно, соответствуя лишь определенным историческим условиям (особенный случай). Была эпоха, когда НТП вызывал рост не только органического, но и стоимостного строения капитала. Отсюда следовали экономические особенности, отраженные в написанном тогда «Капитале» и перечисленные выше. Теперь же, со второй половины XX столетия, при росте органического строения капитала стоимостное строение не растет заметно. Отсюда другие проявления отмеченных законов в экономике.

Во-вторых, мы уже отмечали, что марксово допущение о совпадении стоимостного и органического видов капитала не было тогда — в середине XIX века — никакой ошибкой. Тогдашний технический прогресс, обеспечи-

вавший рост производительности труда, вызывал рост и органического, и стоимостного строения капитала, хотя темпы этого роста не могут не быть разными, что вытекает из самой природы этих видов строения.

В-третьих, методологическим основанием для введения этого допущения самим Марксом был следующий факт: раз выдвинутые им положения о повышении органического (и по тогда же сделанному им допущению, стоимостного) строения капитала оказались необходимыми и достаточными для объяснения множества конкретных явлений тогдашней рыночной экономики, что не удавалось сделать предшественникам Маркса, и это не только получило многостороннее фактическое подтверждение, но и является методологически оправданным приемом. В естественных науках такой методологический прием, в результате которого удается объяснить не десяток, а хотя бы пару конкретных явлений, считается большой научной победой.

В-четвертых, хорошо известно, что Маркс никогда не был бесстрастным исследователем капитализма. Он взялся за изучение политэкономии в зрелом возрасте и сразу рассматривал целью своих занятий политэкономией создание теоретического фундамента своих уже тогда существовавших революционных, антибуржуазных социологии, идеологии, политики. И когда в результате введения в его политэкономическое исследование роста органического строения капитала он получил такие выводы, как неизбежность ухудшения положения наемного труда и формирования резервной армии труда, неизбежность снижения нормы прибыли и циклических кризисов перепроизводства капитала и пр., то все эти существенные черты этого экономического строя не могли не вести к его неизбежному краху под бременем внутренних и чисто экономических противоречий. Тем самым Маркс и его сторонники получили большой теоретический подарок: это было замечательное и чисто экономическое подтверждение его собственных философских и социологических выводов, которые он сделал еще в 40-е гг. XIX в. Причем эти теоретические «подарки» были не результатом подгонки под заданную задачу, а чисто научным достижением.

Стоит добавить, что идея о необходимости учета стоимостного строения как более конкретной формы бытия органического строения капитала не просто не нова, а она получила серьезное теоретическое обоснование еще четыре десятилетия назад [2].

Доказательства предлагаемой гипотезы

Как доказать возможность только что сделанного допущения — о прекращении роста стоимостного строения капитала в послевоенную эпоху развития капитализма?

Доказательства, как уже отмечалось, могут быть двоякого рода: статистическими и теоретическими. Мы остановимся здесь из-за ограниченности объема теоретическими, что опять-таки вполне совпадает с методом Маркса. В этом случае существуют две разновидности таких доказательств. Первая: теоретические доказательства прямые. Вторая: логические, внутрисистемные.

Последнее доказательство фактически уже приведено. Мы поступаем точно так же, как это сделал в свое время Маркс. Если некоторые экономические параметры в послевоенные десятилетия не меняются так, чтобы свидетельствовать о росте стоимостного строения, то мы вправе сделать простой вывод: стоимостное строение капитала перестало расти или его рост стал настолько незначительным, что им можно пока пренебречь. Если тезис о неизменности стоимостного строения капитала в послевоенные десятилетия помогает комплексно, системно и успешно объяснить отсутствие относительного ухудшения положения наемного труда, отсутствие роста нормы безработицы, отсутствие опережающего роста первого подразделения общественного производства и валового продукта, прекращения снижения нормы прибыли в развитых капиталистических странах, предсказанного краха капитализма под тяжестью внутренних экономических противоречий, то одного этого вполне достаточно для доказательства истинности рассматриваемых тезиса и гипотезы.

Перейдем к анализу стоимостного строения капитала как отличного от органического строения. Примем в качестве допущения то, что доказано было еще Марксом: рост производительности труда в капиталистической рыночной экономике на стадии крупного машинного производства закономерно вызывает повышение технического (следовательно, и органического) строения капитала. Видоизменим этот вопрос: возможна ли при росте технического (и органического) строения капитала стабилизация (как тренд) стоимостного строения капитала? Если да, то почему. (Мы исходим из того, что рост органического строения капитала в современной капиталистической экономике остается доказанным феноменом, на обоснование чего здесь нет места.)

По Марксу, органическое строение капитала определяется только изменением технического строения. Но на стоимостное строение влияет множество иных факторов, прежде всего стоимостей и цен на средства производства и рабочую силу. Здесь предположим, что для нас стоимостное строение капитала и ценовое строение тождественны, хотя это сохраняет уровень абстрактности исследования довольно высоким, но все же меньшим, чем допущение о совпадении стоимостного и органического строений капитала.

Переведем вопрос в следующую плоскость. Рост производительности труда в крупном машинном производстве вызывает рост отношения между постоянным и переменным капиталами. Но как этот рост производительности труда влияет на изменение стоимости (и цен) этих двух компонентов авансированного капитала? Стоимость всех товаров уменьшается по мере роста производительности труда, создающего эти товары. Если бы речь шла об одинаковых по своей природе видах товара, чем являются в вещественной форме постоянный (в числителе) и в виде рабочей силы переменный капитал (в знаменателе), то можно было бы признать, что темпы снижения стоимости этих разнородных товаров под влиянием повышения производительности труда в долговременной динамике примерно одинаковы по мере распространения достижений НТП во все отрасли народного хозяйства.

Но товар «рабочая сила», как известно, имеет свою специфику, которая в рассматриваемом отношении является решающим фактором, требующим особого учета. Товар «рабочая сила» не определяется лишь суммарной стоимостью товаров, идущих на воспроизводство рабочей силы. Нужно учитывать исторический и моральный факторы, как отмечал Маркс.

Но есть еще факторы, которые, по допущению Маркса, им вообще не рассматривались, он от них отвлекался; выше мы их классифицировали как теоретические допущения, общие для всего «Капитала»: 1) эффективность НТП, 2) наличие развитой непродуцирующей сферы, 3) роль государства. Остановимся коротко на первых двух.

Первая причина того, почему Маркс не останавливался на анализе этих факторов — онтологическая. Иными словами — три перечисленных фактора в реальной тогдашней экономике были столь слабы, что тогда ими можно было пренебречь. Вторая причина — методологическая — также объяснена Марксом. До введения в исследование этих факторов нужно

было предварительно выяснить существенные черты капиталистической экономической системы без учета этих факторов. Они более конкретны относительно того уровня абстракции, при котором Маркс рассматривал, исследовал природу капиталистического производства (в виде основного отношения).

При анализе влияния на стоимость рабочей силы и ее динамику различий между первичным и модифицированными формами стоимостного строения капитала мы приходим к следующему заключению. Капиталист-предприниматель в принципе всегда заинтересован в снижении стоимости рабочей силы, которую он приобретает для своего производства, чтобы увеличить норму прибавочной стоимости (и прибыли). С этой точки зрения он всегда объективно стремится к повышению первичного стоимостного строения своего капитала. Но кроме этого стремления есть объективные обстоятельства, которые противодействуют этому частному стремлению. В их ряду усложнение производства, требующее адекватного усложнения труда и нового уровня квалификации наемного персонала, что требует и вызывает удорожание наемного труда; политика государства, направленная на повышение квалификации национальных кадров хотя бы в конкурентном противостоянии национальных хозяйств и капиталов иностранным; моральные и исторические факторы формирования стоимости рабочей силы в ведущих странах мира, прежде всего, — повышение уровня образования, благосостояния, здравоохранения, социального страхования.

Основаниями для производства избыточной прибыли были и остаются все факторы превышения индивидуальной производительности труда над отраслевой: и интенсивность труда, и организация труда и производства, и эффективность предметов труда, и квалификация труда. Все факторы, кроме последнего, на стороне капиталиста-предпринимателя, зависят, прежде всего, от него, последний же фактор — на стороне наемного работника. Известно, как постепенно растет роль человеческого фактора в современном производстве. Все эти обстоятельства влияют на стоимость рабочей силы не только в фазе непосредственного производства, но и в остальных фазах воспроизводства. Это приводит к тому, что замыкающее стоимостное строение капитала — структура валового продукта — как результат всего воспроизводственного процесса оказывается меньшей, чем первичное строение капитала в фазе непосредственного производства.

В результате долгой борьбы наемному труду удалось во многих случаях добиться, пусть и спорадически, установления паритета в этой дележке. Но что означает официальное установление соответствия между темпами роста производительности труда и темпами роста заработной платы? Это значит, что фиксируется сохранение всего лишь сложившегося статуса-кво в делении прироста национального дохода между трудом и капиталом, что никоим образом не ставит под сомнение сохранность экономических и политических основ буржуазного способа производства. В реальности наемному труду постоянно приходится добиваться хотя бы сохранения этого соотношения. Но с точки зрения динамики стоимостного строения капитала, что значит установление этого баланса? Одинаковые темпы роста постоянного и переменного капитала, то есть ту самую искомую стабилизацию замыкающей формы стоимостного строения капитала.

Динамика этой доли подчинена промышленному циклу: в периоды кризиса положение наемного труда ухудшается, в годы подъема — растет. Отсюда следует, что динамика замыкающего стоимостного строения капитала также носит циклический характер. Маркс вообще от этой особенности замыкающего стоимостного строения капитала отвлекался, поскольку цикл им рассматривался на более поздних ступенях восхождения от абстрактного к конкретному.

Приведем некоторые статистические расчеты ряда американских экономистов стоимостного строения капитала в экономике США за длительный период. Несмотря на то, что эти авторы называют свои расчеты расчетами органического строения капитала, фактически у

них речь идет о стоимостном строении. С 1869 по 1910 гг. среднегодовые темпы роста этого показателя составили около 1%, а в период с 1910 по 1950 гг. они уже снижались со среднегодовым темпом 1,39%. В период с 1950 по 1992 гг. они вновь стали положительными, составив 0,88% (цит. по [4]). Это отлично подтверждает изложенную здесь гипотезу, которая, понятно, требует более пространного и тщательного обоснования.

Некоторые выводы

Таким образом, приведенные соображения, во-первых, согласуются как с реалиями современной западной экономики, так и с теоретическими взглядами Маркса в его доказательстве закона роста органического строения капитала. Во-вторых, на наш взгляд, вполне позволяют признать саму теоретическую и практическую возможность существования сделанной здесь гипотезы о сочетании роста органического строения капитала с тенденцией к стабилизации стоимостного строения капитала, а иногда и его снижения, что придает «Капиталу» новый, современный вид. В-третьих, доказывает вполне убедительно сохраняющуюся истинность марксовской методологии изучения буржуазной экономики вообще и ее применимость к исследованию современных реалий капитализма, особенно в странах с отсталым капитализмом вроде российского. В-четвертых, в такой модернизированной и актуализированной форме, в «новой редакции» «Капитала», эта теория позволяет использовать марксистский вариант классической политэкономии как основу и первую ступень преподавания общей экономической теории.

Список источников

1. Бирюков В. А. Закон преимущественного роста производства средств производства : автореф. дисс. ... канд. экон. наук. — М., 1975.
2. Два подразделения общественного производства / Под ред. В. Н. Черковца. — М. : Мысль, 1971.
3. Маркс К. Капитал. Т. 2. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 24.
4. Маркс К. Капитал. Т. 1 / Введение О. И. Ананьина. — М. : Эксмо, 2011.

УДК 330.101:330.34 (470 + 571)

Ключевые слова: политэкономия капитализма, методология, органическое и стоимостное строение (состав) капитала, архаизация и реактуализация экономической теории